

18	0221	НИКОЛАЙ ТРЯПКИН	"Ворожу свою жизнь"
----	------	-----------------	---------------------

"Ворожу свою жизнь" (Коренблит – Тряпкин)

1. Белка	– 2.16
2. Сказ	– 1.54
3. В декабре	– 1.12
4. Зимний очаг	– 2.15
5. Столько вьюг прошумело	– 2.27
6. На рубеже	– 1.05
7. Под медные гудки	– 2.18
8. «Жигули, вы, жигули!»	– 1.52
9. Бабочка белая	– 3.03
10. Солдаты	– 4.34
11. Реквием	– 1.44
12. Счастливый странник	– 1.51
13. Старичок	– 2.07
14. А хмелинушка вьётся	– 2.04
15. Знакомые звуки	– 1.27
16. Серебрятся пруды	– 2.14
17. Высокая беседа	– 3.46
18. Ворожу свою жизнь	– 2.16
19. Над безверною землей	– 2.05
20. Чистое поле	– 1.55
21. Дай нам Бог	– 1.46
<i>Общее время звучания – 46.11</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. БЕЛКА

Так неслышно, незаметно,
А свершилось - как должно:
Ухнул филин в час рассветный,
Села белка под окно.

Села прямо на соломе,
Только ветер хохотнул,
Только мальчик в тихом доме
Третьим сном уже заснул.

И в какой-то заворошке
То ли сказок, то ли мух
Пропустил он, как в окошке
Задымился сизый пух.

А поутру стало ясно, -
Что хотели, то пришло:
Села белочка на прясло –
И скакнула чрез село.

И завьюжилась криница,
Запушились провода
И залезла в рукавицы

Вся курносая орда.

А в окошко бьет куделью.
 Что тут делать, как тут быть?
 Сел я в угол за постелью,
 Стал веревочку крутить...

Замутило, понадуло,
 Залохматилось кругом.
 Это белочка махнула
 В поле дымчатым хвостом.

2. СКАЗ

Ты гуляй - не гуляй, ветер северный,
 По Руси по великой, по северной!
 Всех снегов по Двине ты не выметешь,
 Всех дерев по Суре ты не выломишь.

Не пошлешь всех волков ты на скотники!
 Не забьешь всех костров у охотников!
 И всех ног вдоль дорог, под буранами,
 Не оставишь седыми курганами!

А мои-то и вовсе легошеньки,
 Потому что голым-то голешеньки!
 Только ягель в опорки подкладывай,
 Только хлеба на завтра загадывай.

Ты же дуй и колдуй, ветер северный,
 По Руси по великой, по северной.
 Поплывем Лукоморьями пьяными
 Да гульнем островами Буянами.

И за что я - зеленый, некошенный,
 Может, здесь покачнусь, запорошенный,
 Завалюсь, не живой и не признанный,
 Вот такой-рассякой, необузданный?

3. В ДЕКАБРЕ

Знать, и ветер взял гитару –
 Да молчок.
 И прошелся по бульвару
 И повесил ту гитару
 На сучок.

Взял я скрипку у бродяги -
 Дурачок.
 Взял я скрипку у бродяги –
 И на провод высшей тяги
 Лег смычок...

Что за странные бульвары

В декабре!
Запропали все гитары,
Как в дыре.
Только смутные гравюры,
Только снег,
Только тень своей фигуры
Человек.

4. ЗИМНИЙ ОЧАГ

Раздуй лежанку, раздуй лежанку,
Стели постель.
На старой крыше, срывая дранку,
Дурит метель.

В лесную темень уносит ветер
Собачий вой.
А нам так славно при ярком свете,
А мы с тобой.

Раздуй лежанку, сними сапожки,
Моя краса!
Заносит вьюга пути-дорожки,
Скрипят леса.

На снежных окнах седая просинь,
Густой убор.
Гуляет вьюга, стучатся лоси
На теплый двор.

Гуляет ветер, швыряет ветер
Обрывки хвой.
А мы смеемся, а мы как дети,
А мы с тобой.

А мы прижмемся, а мы попросим
Летучий снег,
Чтоб даже лоси в глухом заносе
Нашли ночлег.

5. СТОЛЬКО ВЬЮГ ПРОШУМЕЛО

Столько вьюг прошумело за снежным окном,
За мохнатым окном!
Замело, завалило все избы кругом,
Все полесья кругом.

Завалило, и вновь - тишина, тишина,
Перебранка сорок.
И над крышей моей, как пушок волокна,
Закружился дымок.

И стоит он на солнце и сходит на нет,
И светясь, и дрожа:

Что же, есть, мол, и тут и очаг, и привет,
И живая душа, -

За снегами, лесами, за тысячью верст, -
Заходи поскорей!
Мы дождемся весенних, раскатистых гроз
У лесных пустырей.

Мы приучим себя к забытию, к тишине -
Для преданий и книг,
Мы услышим, как бьется в снегах, в полусне,
Изначальный родник, -

За горами, лесами, за тысячью верст,
У лесных пустырей...
Мы услышим, как в двери скребется мороз
В полусвете ночей.

И как стонет от стужи и стынет лоза,
И не будем скорбеть,
Чтобы в сумрак полярный, в немые глаза:
Не робея, смотреть...

6. НА РУБЕЖЕ

А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры,
А ты стряхни с себя всю пыль, осевшую вчера.
Пуškai на полке у тебя - Гомеры и Вольтеры,
А ты впервые видишь дым пастушьего костра.

А ты впервые услышал - звенят под влагой косы,
А ты впервые уловил - остер на вкус щавель.
Земля извечно молода, и зори вечно босы,
И вечно пляшут мотыльки под детскую свирель.

Пуškai там были до тебя касоги и шумеры,
Пуškai ложатся пред тобой смирившиеся львы.
А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры,
А ты услышь подземный рост корней и травы.

7. ПОД МЕДНЫЕ ГУДКИ

За пылью ханского набега,
За громом польских батарей
Ушла последняя телега
Славянской древности моей.

И вот острее запах глины
У той межи, из тех кустов
И вдруг осело на бортины
Железной гарью рудников.

Дохнул огонь - и пчелы скопом
Упали замертво в траву,

И дед потопал в рудокопы,
Склонив премудрую главу.

И мертвым светом полоснуло
Из тех глубин, от тех пород.
И уж не Рюрик бил по скулам,
А свой же Кузька-обормот.

И гаркал: «Знай такое дело!»
И мы узнали кое-как.
И наша кровь закаменела,
Как тот угрюмый железняк.

И на славянские холстины
Он падал так, что будь здоров!
И лишь гудели наши спины
С железным скрипом костяков.

И мы кричали: «Сдюжим, други!»
И мертвых клали на мостки...
А наверху, по всей округе,
Звучали медные гудки...

8. «ЖИГУЛИ, ВЫ, ЖИГУЛИ!»

Не ходил я речником на Кострому,
Не рыбачил под Самарскою лукой,
И не звал я на горячую корму
Теплый дождик, золотистый и косой.

Льется Волга, бьются волны за бортом,
Что за горы там кудрявые прошли?
Чую запах нефтяной под ветерком,
Слышу песню: «Жигули вы, Жигули!»

Развернулась бесконечная вода
До зеленых, еле видимых лугов.
Даже радуга сгорела от стыда,
Не достигнувши концами берегов.

Я рукою чью-то рученьку держу,
В чем-то взоре вижу ласковый туман.
И поэтому я искренне прошу –
Дайте ходу пароходу, капитан!

Льется Волга, бьются волны за бортом.
Где-то горы синим дымом изошли,
И со мною кто-то милым голоском
Напевает: «Жигули вы, Жигули!»

9. БАБОЧКА БЕЛАЯ

Бабочка белая! Бабочка белая!
В травах горячих земля.

Там, за притихшей лесною капеллою,
Слышится всхлип журавля.

Речка бежит, загибая за просеку,
Желтый погнавши листок.
Бабочка белая с черненьким носиком!
Лето пошло на восток.

Чуешь, как мир убегает в ту сторону -
Горы, леса, облака?
Сосны гудят - и старинному ворону
Прошлые снятся века.

Сколько жилось ему смолоду, смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому холоду.
Много ль держаться и мне!

Думы наплыли, а сосны качаются.
Желтый кружится листок.
Речка бормочет. Глаза закрываются.
Время бежит на восток...

Пусть же послышится песня знакомая
Там, за Вечерней Звездой.
Может, и мы здесь июльскими дрёмами
Завтра проведем с тобой.

Годы промчатся, как соколы смелые,
Мир не устанет сиять...
Бабочка белая! Бабочка белая!
Кто бы родил нас опять!

10. СОЛДАТЫ

В долинах пестрели зацветшие злаки -
А мы уходили.
В просторах шумели прохладные реки,
А нас провожали.
Тревожная песня. Военные годы.
Солдатские взводы.
В долинах пестрели зацветшие злаки -
А мы уходили.

Над нами стояло высокое небо -
А мы не смотрели.
За нами кричали задорные птицы -
А мы не слышали.
Тогда ведь с тобою мы были солдаты.
Ты помнишь? Солдаты.
Над нами стояло высокое небо -
А мы не смотрели.

В ночах загорались прекрасные звезды
 А мы воевали.
 В лугах дожидались покосные песни -
 А мы умирали.
 Карпатские горы, дунайские воды,
 Бои, переходы.
 В ночах загорались прекрасные звезды,
 А мы воевали.

Но в травах горящих и в лавах кипящих
 Мы к жизни тянулись
 И в каждой пещере, бросаясь на зверя,
 Людьюми оставались.
 И снилось нам это бессмертное лето
 Из грома и света,
 И в травах горящих, и в лавах кипящих
 Мы к жизни тянулись.

Пускай же пестреют зацветшие злаки -
 Мы все их покосим.
 И что нам от крови багряные реки?
 Ведь мы их не просим.
 За снежные горы, за теплые воды
 Кочуйте, восходы!
 Пускай же пестреют зацветшие злаки -
 Мы все их покосим!

11. РЕКВИЕМ

Мы еще не трезвы от испуга
 И не можем спать.
 И угрюмо смотрим друг на друга:
 Что же нам сказать?

У могил святых, могил напрасных
 Что нам говорить?
 Что в стране, под знаменем прекрасным,
 Было трудно жить?

Только вспомним ружья конвоиров
 Да в испуге мать...
 Эти годы ждут своих Шекспиров, -
 Где нам совладать!

Мы еще не так-то много знаем -
 Только счет до ста.
 Мы еще почти не открываем
 Робкие уста.

Ну, а если все-таки откроем
 И начнем рассказ,
 Никакою славою не сможем
 Этих пятен с нас!

12. СЧАСТЛИВЫЙ СТРАННИК

Палец к небу возносили - и весь дом разворошили,
И забрать меня решили, и отправить под Нарым...
То ли годы пролетели, то ли судьи подобтели,
То ли мы поднаторели - и в живых еще скрипим.

Эй, вы, бубны и ухваты! Грохнем, что ли, для бравура!
Развернем свои палаты в сотню улиц, в тыщу лиц!
Чтобы ахнули кастраты от веселого прикура,
Чтобы топнули ребята, не жалея половиц.

Сколько дыма, сколько грома! Сколько лет я не был дома!
Злые сны меня терзали, гасли зори под пургой.
Ой, вы, бубны и ухваты! Сыпанем-ка все караты,
Что мы в странствиях собрали и оправили строкой.

То ли годы пролетели, то ли судьи подобтели,
То ли мы поднаторели, то ли ангел Гавриил...
Палец к небу возносили и весь дом разворошили...
Ах, не вы меня забыли – это я вас позабыл.

13. СТАРИЧОК

Ах ты, свет, друг сосед, старичок пригожий!
Что ты знал, что ты стал, что за время прожил?

Прошумели деньки, пронеслись годочки.
Вот сидишь у избы, на своем пенечке.

Ах ты, сад ты, мой сад!.. Эх ты, мать честная!
Руки, ноги дрожат, голова седая.

Похитрил, помудрил, покрутился вволю...
Ни зубов, ни долгов!.. Правду ли глаголю?

Ах ты, дед Архимед! Человечек Божий!
Мужичок-своячок, на меня похожий!

Сколько знал, подписал протоколов грозных?
Сколько девок помял в закромах колхозных?

Сколько всяких дружков за столом прославил?
Сколько всяких кусков под скамью отправил?..

Погулял, поскакал... Эх ты, мать честная!
Руки, ноги дрожат, голова седая.

Прошумели деньки, пронеслись годочки,
Вот сидишь у избы, на своем пенечке.

И солидно кряхтишь, и глядишь достойно...

А в душе у меня что-то беспокойно.

14. А ХМЕЛИНУШКА ВЬЕТСЯ

А хмелинушка вьётся, хмелинушка вьётся,
А за тыном кому-то все так же поется,
Да у тех же кустов да про ту же рябину,
А рябина все так же склоняется к тыну.

Зацветает за хатой цветистая гречка,
А девчонка стоит у родного крылечка.
А хмелинушка вьётся, хмелинушка вьётся,
А девчонка смеется, как прежде смеется.

Завивается хмель у куста, у пенечка,
А на сердце моем распускается почка,
А из почки сквозит огонек этой песни...
Позабывтое счастье! Воскресни, воскресни...

15. ЗНАКОМЫЕ ЗВУКИ

Лесная жалеяка, знакомые звуки,
Плакучие ивы, речные излуки,
Речные излуки.

Знакомые птицы кружат надо мною,
Знакомое солнце висит над водою,
Горит над водою.

И сердце, устав от лихого скитанья,
Прислушалось к травам лесного молчанья,
Лесного молчанья.

И в сердце - из детства, из дальней разлуки
Я слышу все те же знакомые звуки.
Знакомые звуки...

16. СЕРЕБРЯТСЯ ПРУДЫ

Что ни ночь, то луна. До рассветной звезды
По окрестным лугам серебрятся пруды.
Серебрятся пруды,

Где-то крикнет петух. Где-то скок табуна,
А в заснувшем пруду серебрится луна.
Серебрится луна.

Зеленеющий луч. Замирающий мрак.
А в селе за бугром - перебранка собак.
Перебранка собак.

Пролетают созвездья. Гудят провода.
За столбами столбы. За годами года.
За годами года.

Заглянул огонек. И в ложбинке исчез.
А вверху, на свету - холодеющий лес.
Увядающий лес.

И стою в стороне - под горой, под луной
И считаю гусей, что летят надо мной.
Голосят надо мной.

А в селе, за бугром, притомился народ,
Только в рельсу дежурную сторож пробьёт.
Аккуратно пробьёт.

И под веским ударом проснется чугун.
А вдали, по толоке, проскачет табун.
Передрогший табун.

Зеленеющий луч. Замирающий мрак.
А над вышкой дозорной краснеет маяк,
Журавлиный маяк.

Пролетают созвездья. Гудят провода.
За столбами столбы. За годами года.
За годами года.

17. ВЫСОКАЯ БЕСЕДА

За синие своды, за вешние воды
Зовут меня детские сказки природы,
На белую гору, к метельному бору,
Отвесить поклон старику Зимогору.
И северный дед, убеленный снегами,
Кудлатый, как бор, залопочет губами,
Читая берложьи священные Веды,
Усевшись на пень для высокой беседы.

Сосновые своды, глухие проходы...
Я слушаю тайную флейту природы,
Иду через дремы, очнуться не смея,
К прогалинам детства, в страну Берендея,
На красные горы, в певучие боры,
Где тучи с громами ведут разговоры,
Где сосны и ели вздыхают о Леле
И ждут заревой ворожейной свирели.
И старый медведь, умудренный годами,
Там ходит с клюкой, оснащенной суками,
Храня заповедники Звука и Слова
От страшного зверя и глаза лихого.

Прносятся тучи, проносятся годы,
Меняются земли, меняются воды.
А я эти тропы, и вздохи, и стуки
Держу на примете, беру на поруки,
А я эти песни, рожки и свирели

Хотел бы оставить в родной колыбели,
 Где красные горы, где шумные боры,
 Где я на дулейке искал переборы
 И слушал земли заповедные Веды,
 Садясь на пенек для высокой беседы...

18. ВОРОЖУ СВОЮ ЖИЗНЬ...

Ворожу свою жизнь - ухожу к тем начальным пределам,
 Где я рос - прорастал, распускался цветком чистотелом.
 Заклинаю строку - и в душе уголек раздуваю,
 И на струны свои эти пальцы свои возлагаю.

Старина ль ты моя! Прилетевшие первые утки!
 Сторона ль ты моя! Луговые снега-первопутки!
 Ворожба ль ты моя! Этих строк переборные струны!
 Городьба ль ты моя! Из души исходящие руны!

Уплываю туда, ухожу к тем далеким началам.
 Где так все хорошо и с таким все бывает навалом!
 Где любые сороки поют, как заморские пташки,
 Где любая труха превращается в запах ромашки.

Заклинаю строку. И в душе уголек раздуваю.
 И на струны свои эти пальцы свои возлагаю.
 Старина ль ты моя! Прилетевшие первые утки!
 Сторона ль ты моя! Луговые снега-первопутки!

19. НАД БЕЗВЕРНОЮ ЗЕМЛЕЙ

Не ведут пути окольные
 К жизни праведно-святой.
 Снова - звоны колокольные
 Над безверною землей.
 И в конце пути извечного
 Люди грешные стоят.
 А над ними - своды Млечные –
 Свечи жаркие горят.

И гремят, плывут под сводами
 Гласы Павла и Петра.
 Над погрязшими народами
 Снова плачет детвора.

А пред огненными дверями –
 Только звездные венцы.
 И предстали вдруг потерянно
 Перед ними гордецы.

То - больные иль целители?
 То - палач иль жертва тут?
 И пускай не горних жителей,
 А кого-то всё ж зовут.

А над ними - колокольные
Гласы Павла и Петра,
И восходят кручи вольные
Иль Голгофская гора.

20. ЧИСТОЕ ПОЛЕ

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля –
Белый камень под бугром.

Ой ты, камень под горою!
Ты совсем не алатырь.
Только – буйной головою
Кто здесь, падал на пустырь?

И галопом скачет вихорь,
Закрывая белый свет...
Только холмик с облепихой,
Только пыльный горицвет.

Или, может, под тобою
Никого и ничего.
Только к вечному покою
Ждешь прихода моего?..

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля –
Белый камень под бугром.

21. ДАЙ НАМ БОГ

Погулял с котомочкой немного,
Подремал в лесу у шалаша.
А теперь в последнюю дорогу
Дай нам Бог собратья не спеша.

Дай нам Бог последнего смиренья –
Все как есть оплакать и простить,
За дворами отчего селенья
Свой последний цветик посадить.

Ни вражды, ни горечи, ни страха –
Припадем к заветному пеньку –
И под солью дедовского праха
Превратимся в щебень и муку.